

26 сентября 2017 – перезахоронение на «Поле заживо сожженных» вдоль дороги Угра–Знаменка священных останков 340 испепеленных 13 марта 1943 гитлеровцами мирных жителей в деревне Борьба на Смоленщине.

Я был бы бесконечно благодарен судьбе за возможность лишь встретиться и пожать руку свидетелю-участнику российской дважды Хатыни. Трагедии всемирно-исторического значения, случившейся в марте 1943 года на территории нынешнего Угранского района Смоленской области. Района, где родился и вырос, где до выхода на пенсию в шестидесятых прошлого столетия жила моя мама, ближайшим городом к которому является старинная Вязьма. Имя этого человека Пётр Афанасьевич Бычков.

Однако мы не только свидетели, но стали по-настоящему близкими людьми и, что важнее всего, в течение десяти лет являемся деятельными соратниками в решении проблемы безусловно гигантской государственной важности. Суть ее – борьба с дикой ситуацией тотального замалчивания неслыханной народной беды, реального глумления над святыней Великой Отечественной войны. И более того. В конечном счете выяснилось, что таких существует ни много ни мало – тысячи. О местах нахождения большинства из них современное общество, как ни горько произнести, знает меньше, чем о поверхности луны.

На пути постижения огнедышащей истины мы вышли на 19 миллионов жертв мирного населения во время Великой Отечественной войны – главный геноцид Земли, о котором ранее также существовало поголовное не-

вежество. Названный мной период выбрал целую бездну трудов, вовлечения в орбиту божеского дела множества мудро-сердечных личностей. Скороговоркой того не передашь, и в результате родился очерк о человеке, сравнимом с истоком Волги. Как она начинается с малого родника, так широко текущий поток сегодняшнего знания о только что поименованном взял разбег в душе П.А. Бычкова.

Встреча, дружба, разблокирование святыни

Три десятилетия назад довелось мне – смолянину, ставшему с отроческих лет москвичом, – отдохнуть с женой Еленой в деревушке Дуденки. Селение вместе с окрестными было включено после ликвидации Семлёвского района в Угранский, где прошло мое детство. Присоединили же к нашему в 1960-х. Оттого эта часть колыбельной и взрастившей земли не была мне знакома в школьные годы, а после окончания семилетки я жил в Москве и других городах и весях СССР, вплоть до Крайнего Севера.

Чем наполнилось мое сердце в тот отпускной период? Конечно же, в первую очередь, как и всегда при встречах со Смоленщиной, глубокими воспоминаниями о начале собственной жизни. Сердце как бы пело песнь:

Честная сердечная сторонка,
Ты – моя тропинка бытия.
Пела мне над люлькой: «а-а»
Мамою-крестьянкою незвонко,
Ты – сядая с детства мысль моя.

Заключительный стих поэцированной строфы вобрал в себя Великую Отечественную войну в восприятии автора, за четыре года до начала которой я появился на свет. Она стала главным событием в жизни двух поколений: наших родителей и моего – детей войны. Летом 1941-го я последний раз видел отца, первого в родной деревушке Желтоухи тракториста, ушедшего на фронт и сложившего там голову в бою за Родину. Никогда не забыть пережитую в нежном дошкольном возрасте, вместе с односельчанами, двухгодичную фашистскую оккупацию, что запечатлелась в таких, например, стихах: *«Враг прямо в сердце метил, / Гудел огонь в пазах. / Ему до самой смерти / Гореть в моих глазах».* Это – когда пришлые «цивилизаторы» славянских и других народов нашей многовековой Отчизны, при отступлении в марте 1943-го, спалили дотла Желтоухи, а в последней избе, которую также подожгли, еще хотели испепелить и всех нас, что называется, ни за что ни про что. Ритуально, даже без малейшей военной необходимости. Из ледящего кровь пламени наши, в основном, многодетные семьи, выскочили, как из тартара; женщины тушили друг на дружке платки. Я уверен: садисты испугались, получили весть, что красноармейцы – рядом, ибо бывали известные им наверняка случаи, когда советские воины таких огненных палачей, настигнув, сжигали живьем самих.

В отпускное лето, с чего начал рассказ, япил мед радости от общения с душевными земляками и несказанно живописной природой местности, празднично слушал кристальный лепет нитяной речушки Серебрянки. Второй стороной медали-отдыха на «малой родине» являлся печальный вид ее угасания, обезлюдения местности. В исчезающей деревушке Дуденки всего оставалось пять жителей, причем – один работоспособный. Горюя о запустошении края, я не мог предположить о большем горе его, «а узнал – мороз по коже пошел», – повествовал потом в статье «Слепая память». Оказывается, всего в километре с небольшим нацистские живо-

плоты предали огню деревню Борьбу вместе с ее и нескольких окрестных селений мирными жителями. Отчаянные крики испускавших дух своими ушами слышала доживавшая в Дуденках последние дни родившаяся тут же и никуда не уезжавшая тетя Маруся.

– Наши деревенские убежали вон в те кусты и спрятались, потому что нас тоже могли уничтожить, как соседей, – говорила она и, свесив голову, добавила. – Это же надо быть такими нелюдями, чтобы даже детей не пощадить!

– И никто не спасся?

– Три человека уцелели. Старуха восьмидесятилетняя по нужде запросилась – сказала: «Иди и больше не приходи», да два мальчика, по четвертому году каждый, улизнули. Потом, уже взрослыми, они померли. Никого из тех не осталось на свете.

Беседа со старой женщиной произошла буквально перед моим отъездом. Уже собрал вещи и ожидал машину друзей, которая должна была увезти меня к поезду. Тетя Маруся перед избой, где я провел с неделю, пасла корову, сидя на земле. У нее болели ноги, трудно было ходить. И, естественно, она не имела возможности проводить меня к месту невероятной трагедии. Сам же, сказала местная жительница, я его не найду: дорога туда заросла. Под сильным впечатлением я тогда же написал стихотворение, которое затем не однажды публиковал и читал в разных залах. Представляю его здесь с сокращением: *«Не могу больше видеть все это, / Я, наверно, от боли умру... // Здесь любили, врагов усмиряли, / Землю не жили – каждую пядь. / Ныне местной Хатыни едва ли / Место в зарослях можно сыскать. // Как же горе такое не помнить? / О, какая увиделась жуть! / Поскорее на помощь, на помощь! / Наша Родина ранена в грудь».*

...Минул 21 год, и случилось чудо! Мне позвонила из Угры Лариса Владимировна Шуненкова, заведующая отделом культуры, с которой вместе посадили, возвращали и проводили ежегодный праздник поэзии Михайла Исаковского, сказав:

– Есть живой свидетель трагедии сожжения заживо мирных жителей в Борьбе. Это Пётр Афанасьевич Бычков. Он имеет квартиру в Вязьме, телефон, который сообщая, и построенный самим дом в Фоминском, в нескольких километрах от места огненного кошмара в марте 1943 года.

Встретился я с бывшим в пятилетнем возрасте смертником П.А. Бычковым, приехав с другом в отцовский край накануне Дня Победы 9 мая 2007 года. То есть за несколько дней до того вовсе не знал о его существовании и, само собой, в глаза никогда не видел. Мы с ним к тому времени были устоявшимися пенсионерами: я, писатель, – старинушка с десятилетним стажем, а он, рабочий, крестьянин и инженер, – с восьмилетним. После же обросшего огнем марта 1943 года и на веки вечные тяжелым-претяжелого для него 13 числа в родной деревне прошло 64 года. И что удивительно, такая жуть напрочь отсутствовала в общественном сознании земли Угранской, не говоря об известности где-либо еще. Коль уж Лариса Владимировна, человек величайшего сердца и досконального знания о родном крае, всего какие-то считанные дни назад тоже не ведала о Петре Афанасьевиче. Как и за 21 год до нашей встречи с приговоренным к истреблению огнем в дошкольном возрасте Петей не имела понятия о нем, явившемся из пламени, дуденковская тетьа Маруся. Подумайте только, считала, что нет никого в живых из видевших черный костер Борьбы женщина, слышавшая своими ушами вопли пожиравшихся Молохом сельчан соседней деревни, от мала до велика ей известных! Но, слава Богу, она назвала имя чудовищной трагедии – Борьба. О происшедшем там узнала от меня Л.В. Шуненкова, что и помогло ей разыскать Петра Афанасьевича.

Именно он – единственный из всех смертных! – помог к настоящему времени основательно «рассекретить» аутодафе в Борьбе. Не будь П.А. Бычкова – невежество о величайшей трагедии осталось бы на уровне до 2007! Все, что сделано за десять минувших

лет по увековечению священной памяти об ушедших в духовный мир 13.03.1943 страстотерпцах, – в конечном счете – он.

Таким образом, Пётр Афанасьевич Бычков – это памятный знак на месте заживо сожженных его односельчан и мирного населения окрестных деревушек, а также беженцев из Ельни, нескольких тяжело раненных красноармейцев, – установленный в первые сутки нашего знакомства, в День Победы.

П.А. Бычков – моя об этом балада «9 мая 2007 года», впервые опубликованная три месяца спустя в газете «Московский литератор» вместе с фотографией с места массовой казни огнем многих десятков сельчан и прочитанная в том же августе на фестивале поэзии Михаила Исаковского во Вздохах. После представления собравшимся самого Петра Афанасьевича с группой, побывавшей в праздник Великой Победы там, где *«Погибли невинные! – чистые-чистые! / Лютейшею смертью в садистском костре».*

П.А. Бычков – открытое и освященное в следующем году, тоже на День Победы, «Поле заживо сожженных» на выделенном местной властью «в бывшей д. Прасковке вдоль дороги Угра–Знаменка один гектар земли... в память о земляках, заживо сожженных, и других погибших от рук фашистов на территории Угранского района» – на основании письма в райцентр бывшего в дошкольном возрасте смертника вместе с угранцами, проживающими в столице.

П.А. Бычков – широко известное ныне «Обращение к Президенту РФ Д.А. Медведеву, ко всем гражданам страны» 18 ноября 2008 года. Под ним стоят подписи таких личностей, чьи имена, как говорится, на слуху современного общества. Среди них – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л.Г. Ивашов, председатель правления Союза писателей России В.Н. Ганичев, председатель политической партии «Народный Союз» С.Н. Бабурин, Народная артистка СССР, лауреат Государственных премий Л.И. Касаткина, знаменитый доктор эко-

номических наук М.Я. Лемешев, скульптор, Народный художник России Н.А. Селиванов, председатель Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН), доктор философских наук Е.С. Троицкий, руководитель Высших литературных курсов, лауреат Государственной премии РФ им. А.М. Горького В.В. Сорокин. Уважаемые повсеместно в стране люди выражали президенту недоумение, «почему замалчиваются трагедии российских Хатыней, почему о них нет сведений даже в энциклопедиях о народной священной войне, говоря словами самой популярной песни того времени». Памятник-мемориал гибели мирного населения в ВОВ просто необходим после ухода за границу общезначимых символов невероятного геноцида – Хатыни и Бабьего Яра. Обращались также с надеждой использовать во всероссийском масштабе «действия руководителей Угранского района Смоленщины по увековечению памяти о заживо сожженных и других невинных жертвах Великой Отечественной войны».

П.А. Бычков – Фоминский мемориал «Всем погибшим в войне 1941–1945 годов гражданам СССР», созданный Петром Афанасьевичем перед своим сельским домом, личными возможностями, на открытие которого, в очередной День Победы, приезжали к хозяину и чудесной хозяйке Надежде Павловне ветераны войны и труда из Москвы, журналисты и другие земляки из Смоленска, Вязьмы, Угры, явились жители Фоминского и близлежащих деревушек.

П.А. Бычков – посвященная ему моя книга-обличение публицистики, стихов, документов «Поле заживо сожженных», к тому времени единственная в мире о невообразимом множестве российских Хатыней, выпущенная двумя изданиями – в 2009 и 2010. Она имеет четыре тетради иллюстраций. Была удостоена медали губернатора Кузбасса А.Г. Тулеева «За веру и добро» и Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», которую вручили автору на месте величайшего танкового сражения с одноименным названием. Кстати, это «из-

дание-печаль расплеснулось до Кремля», до всех областей и краев России, находившихся в оккупации; его выложили в интернете.

Только за период шестилетнего нашего знакомства представлять Петра Афанасьевича в таком плане, а значит, рассказывать об обнаруженных реалиях запредельной трагедии массового предания огню мирных жителей в Борьбе и «о найденных сестрах прискорбной» – не хватит площади номера широкоформатной газеты. Обобщением здесь может служить отрывок из вступления к сборнику стихов «Горящие русские хаты» (Смоленск, «Маджента», 2013):

«В.Т. Фомичёв сумел широко познакомить читательскую и литературную общественность Москвы и Смоленщины с Петром Афанасьевичем Бычковым, которому судьба помогла спастись из горящей избы при массовом сожжении гитлеровцами в деревне Борьба 287 (согласно последних данных их было 340. – В.Ф.) жителей 13 марта 1943 года...

У В.Т. Фомичёва большой круг соратников и союзников. Это поэты и писатели Василий Леонов, Валентин Сорокин, Анатолий Парпара, Валентина Тархова. Леонид Фадеев, Евгений Соколов, Олег Дорогань, Анатолий Панасечкин, Анатолий Терентьев, Алла Пароло, Людмила Щипахина, министр Александр Соколов, издатель Елена Мина, педагог Валентина Пронькина, руководители Угранского района Павел Андреев, Александр Ермаков, Лариса Шуненкова, Виктор Виноградов, журналисты Евгения Пришлецова, Дмитрий Прудников, Николай Кеженов, ветеран войны Фёдор Русаков, его коллега по офицерским погонам Алексей Кузовов, руководители фонда «Примирение» Владимир Шаргаев и Игорь Ясинский, ветераны-пограничники Николай Посметный и Михаил Савенков, скульптор Оксана Лазукина, тушинец Александр Матвеев; земляки, живущие в Москве: Виктор Мушенков, Евгений Иванов...» Я бы сказал, комментируя приведенный текст: все перечисленные в нем граждане, в том числе я сам, а список

можно было бы значительно продолжить даже тогда, – они в таком контексте тоже П.А. Бычков. Ибо он не мог не вовлечь нас в орбиту своей магнитной личности, не объединить «вулканической правды духовной силой» в служении святому делу, являясь его «главным героем, геноцидом пронзенным», ставшим о жути «живой памятью на свете», «безбрежной судьбой» всех пылавших факелами 13.03.1943, как я характеризовал его в поэме «Атлантида святынь». Хочется привести из нее еще одну оценку этого, на мой – надеюсь – объективный взгляд, выдающегося человека: *«Столь блистательный дух – Бородинское поле, / Божий суд холодным взорам, прибитым цинам».*

Вновь возвращусь к своему отдыху в Дуденках, где об Угранской (Семлёвской) Хатыни услышал впервые, причем совершенно случайно, фактически в час отъезда. А ведь я побывал в то лето во всех сопредельных селениях, разговаривал со множеством проживавших там людей, кое-что у них покупал, например, прополис в Фоминском. И общался не только с ними. Ко мне приезжали журналисты из райцентра, Вязьмы, Смоленска, мы вместе ловили рыбу в недалеком пруду, варили уху, а за нею ночи напролет вели разговоры обо всем на свете и, конечно же, об истории края. Однако Борьба нигде ни разу в них не всплыла, равно не промаячил и живой свидетель трагедии. Тетя же Маруся, как выяснилось после моего знакомства в мае 2007 с П.А. Бычковым, ошиблась и в отношении него, и других участников чудовищного события того жарко полыхавшего геноцидом марта. Теперь мы точно знаем, что их было семь человек, а также – их имена, фамилии, возраст каждого (от пяти до 67 лет, а трехлетних и восьмидесятилетней не было). В моей книге и на барельефе Фоминского мемориала есть их общее фото, опубликованное в красноармейской газете «На штурм врага» воинской части 95852. Она освобождала от немецких фашистов эту местность, захоронила останки заживо сожженных и расстрелянных при попытке

убежать из огня безвинных мирных жителей. Эти исторические факты, дошедшие до нас с вами, – тоже П.А. Бычков. И вот почему.

Номер «дивизионки», где они были зафиксированы, обнаружил в Харькове один из фронтовиков, перебирая газеты военного времени. Потрясенный леденящим душу злодеянием нацистов в Борьбе, он прислал в ближайшую от нее школу в 1978 году снимок с пространной подписью под ним и попросил «красных следопытов» провести свой поиск обстоятельств происшедшего, рассказать о судьбах уцелевших тогда семи человек, составить подробные списки заживо сожженных земляков. К моменту нашей первой встречи с Петром Афанасьевичем уже закрылась та Путьковская школа. коллектив которой так и не исполнил просьбу ветерана-харьковчанина, а шесть изображенных на фото ушли в мир иной. Если бы не П.А. Бычков (о первых сутках знакомства с ним я писал в балладе: *«Он один из семи еще здравствует, / Из огня в наш явившихся свет»*), сохранивший важнейший документ, подлинного знания о тогда спасшихся не было бы у нас и сейчас. При необходимости же, возможно, какие-то исследователи ссылались бы на тетю Марусю из Дуденки, память которой, как видели, подвела ее и в количестве спасшихся, и по персоналиям.

Ошиблась дуденковчанка и по третьей позиции. Она заявила тогда, что массово сожженных в соседней деревне было 217. После моего уточнения у директора краеведческого музея, где есть справка, правда, не в надлежащем исполнении, подтверждающая количество жертв мирного населения в Борьбе, – везде стала фигурировать цифра 287. Я о таком изменении поведал в печати. Но затем, в 2010 году, в книге «Расскажите о нас – чтобы помнили!» (смоленское издательство «Эверест»), на странице 77 было сказано, что, в соответствии с документальными материалами, в Борьбе немецкие фашисты заживо испепелили 340 жителей. Пришлось мне писать и об этом. Полагаю, 340 цифра окончательная. Однако при раз-

ночтения иногда слухи могут значить больше бывшего на самом деле, а то и служить основой для сознательной спекуляции на публике. В подобном отношении показателен следующий факт.

В 2010 году в моей столичной квартире раздался телефонный звонок от известной в Угранском районе женщины, возглавлявшей в администрации важный участок работы, и я услышал довольно решительный вопрос-обвинение:

– Почему вы передергиваете историю: пишете, что в Борьбе при сожжении остались в живых семь человек, а их было всего три? Мне об этом рассказывала старшая родственница и я сама из той местности, знаю о том хорошо.

Я попросил землячку еще раз посмотреть в моей книге, которую она, как оказалось, читала, снимок из фронтовой газеты, опровергающий ее утверждение о некомпетентности автора. Потом снова набрать мой номер, и мы поговорим не отвлеченно, а конкретно. Я сказал: «Если ваша родственница и вы отсюда, то должны знать запечатленных на нем людей. Фронтовой фотокор не мог их взять из другой среды». Она не перезвонила, но при скорой встрече в мой очередной приезд на Угру продолжала голословно стоять на своем. Заявила, что она тоже напишет об этом книгу. В ответ на такую самоуверенность я заметил, что книгу не так легко создать, как она, наверно, думает. И почему-то сделал это пока только я, живущий от Борьбы в трехстах с лишним километрах, всего несколько лет назад впервые увидевший П.А. Бычкова и фото с такими выражениями в подписи: «немцы загнали в два дома всех жителей этого селения, а также Ломанчина, Криволевки и заживо сожгли»; «На снимке оставшиеся в живых семь человек, которые выползли из дома незаметно для немцев». Они поименованы: Бычков Александр – 16 лет, Опенкина Акулина – 42 года, Нестерова Мария – 67 лет, Бычкова Клавдия – 52 года и трое ее детей – Петя, 5 лет, Миша, 13 лет, и Сережа, 10 лет.

Это происшествие говорит не только о вздорности моей собеседницы, но вызывает горькое чувство сожаления от сознания того, что никто не записал за целые десятилетия остальных спасшихся 13.03.1943 года жителей Борьбы, которых теперь уже нет в живых. А если были бы зафиксированы их показания, разве могла бы возникнуть подобная ситуация? Вопрос, согласитесь, риторический.

И в такой связи фигура П.А. Бычкова становится еще крупнее. Он видится личностью по-настоящему Исторической – спас от забвения не семейное предание, не что-то уровня местечкового, а целую важнейшую страницу народного бытия.

Впервые широкому читателю донесли происшедшее в Борьбе ваш покорный слуга в соавторстве с Виктором Максимовичем Мушенковым. Его деревушка Васильевское находилась от моей в четырех километрах, мы вместе учились на энергетическом отделении в Московском политехникуме Министерства заготовок СССР и на историко-филологическом факультете Московского государственного пединститута (ныне университет). В.М. Мушенков стал кандидатом исторических наук, крупным организатором учебного процесса в вузах и техникумах, в основном трудился в Министерстве высшего и среднего специального образования. После двух длительных командировок за границу возглавлял в родной «фирме» Управление по внешним связям. Наш с ним материал «Угранская Хатынь (Рассказ бывшего смертника)» был опубликован в давно известной газете Смоленской области «Рабочий путь» под рубрикой «К 65-летию замолчанной огненной трагедии» и его можно прочесть в моей книге. Предваряя повествование, авторы сообщают о П.А. Бычкове, что «впервые встретились с ним в Вязьме, где сейчас проживает наш герой, после службы в армии построивший сельский дом в деревушке Фомино – недалеко от места пережитой трагедии; вместе участвовали в праздновании Дня Победы на нашей «малой родине», побывал он у нас в Москве. Между

нами, земляками, завязалась настоящая мужская дружба». Из публикации видно, что его «родители – крестьяне деревни Новая (за ней больше закрепилось название Борьба, по имени колхоза. – В.Ф.), он «был в семье поскребышем... Отец – с Финской – на Великую Отечественную, в 1943-м погиб под Ленинградом. В избе находилось восемь человек». Мы осветили приход в Борьбу осенью 1941 года немцев, которые «как пришли, стали требовать : «Яйца, куры...», «отбирать и угонять в Германию трудоспособную молодежь», жизнь населения в голоде и холоде, бесконечных мучениях. Из семьи Бычковых «взяли в рабство Нину и Надю», сестер Пети.

Достаточно подробно об аде, в котором побывал 13.03.1943, сообщает, конечно, Пётр Афанасьевич: «Самым страшным стал март 1943-го, когда немцы начали отступать. По всей округе объявили, что будут давать продукты. Собрали и малого, и старого в деревне Новая (Борьба). Здесь также оказались жители соседних деревень, с Ельни два человека. Находились и наши тяжело раненные солдаты (так называли в местности всех красноармейцев. – В.Ф.), которые значительное время в крестьянских семьях восстанавливали здоровье и прятались на чердаках. Один молодецкий говорил: «Если останусь живой – дам о себе знать, напишу или приеду».

Хотячее население построили в шеренги по четыре человека и погнали протапывать дорогу до деревни Гришино. Ее сожгли полностью и всех возвратили под охраной обратно. А кто не мог идти, старые да малые, находились в деревне Новая в огороже – колючая проволока в два ряда. Их охраняли часовые. Окна забили, стены обложили соломой. Тех, которые протапывали дорогу, тоже загнали в эту хату и никого не выпускали.

Примерно часов в шесть подожгли. Мы всей семьей стояли около двери с солдатами, хоронившимися у нас. Часть дома, покрытая соломой, являлась жилой. А во второй не было потолка и пола, что нас и спасло. Когда подожгли, люди напирала на окна, на

двери, некоторые выскакивали из огня и попадали под автоматные и пулеметные очереди.

Двери выбили, колючая проволока наклонилась от натиска толпы. Солдаты сказали: «Первого часового сбиваем». В том замешательстве и под покровом дыма они хватили таких маленьких, как я, кто был под рукой, и кидали через проволоку, в снег. Это произошло, когда отвлекся часовой, а может быть, сбили красноармейцы... Спаслись от огня многие, но их расстреливали, а мы первые по дыму ушли».

Я и В. Мушенков еще тогда ясно увидели нравственный подвиг нашего нового друга, бескорыстное служение высшим этическим ценностям, подчеркнув это: «Петра Афанасьевича не смогли уничтожить немецкие оккупанты. Трудности военной и послевоенной жизни смоленской деревни только укрепили его волю и характер. Сегодня он живет одной мыслью: воскресить и увековечить память не только о своих заживо сожженных земляках, а обо всех угранцах, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков. И делает все, что в его силах».

С самого рождения он руководствуется естественными человеческими законами, утвержденными в его душе и сердце крестьянской педагогикой мамы и отца, сельского мира в целом. Всегда в трудах и заботах, открыт и отзывчив по отношению к родным и близким, соседям и коллегам по совместным делам. А их было за минувшие годы – не перечесать, начиная с детских обязанностей в домашнем хозяйстве, по сильной ребячьей помощи с однолетками колхозу в период послевоенной разрухи, полеводческих работ в нем. После школы окончил сельскохозяйственное училище. Служил в пятидесятые в Советской Армии. 18 лет – в сфере энергосетей Вязьмы. Ветеран труда. В балладе «9 мая 2007 года» я увидел его в домашней праздничной обстановке таким:

Осветил стол улыбкой гагаринской
Пётр Бычков, развернувши гармонь.
Отвергаемый кланом, как пария,
С неисчерпанной силою конь.

Дом, подворье, да с пчелками, трактором,
Ликованье в час праздника Пётр...

Пело песни застолье стократно

Про Победу в главнейший наш год.

К тысячам массовых казней гитлеровскими кострами

Знаковым стало появившееся в интернете интервью главного редактора только названного сайта М.Н. Горовенко со мной в качестве председателя общества «Поле заживо сожженных» имени Э.А. Хлысталова. Эту общественную организацию я основал и возглавляю. Беседа Марины Николаевны с автором этих строк называлась «Величайший юбилей-невидимка» (речь шла о 2013-м) и была выложена под рубрикой «Разблокирование российских Хатыней». Мы коснулись самого главного в представляемой теме, систематизировав хронологически сделанное с самого начала деятельности активистов начатого общественного движения в указанном направлении. Учитывая, что я выше уже какие-то существенные вещи назвал, изложу, дорогой читатель, наш разговор на сайте с пропуском известного вам. Из сказанного ранее и представляемых далее вопросов и ответов вы зримо увидите, как истина о казненных огнем являлась нам и обществу не только из пепла Борьбы. Как она, по всему очевидно, умышленно замалчивается, как вольно или невольно хранят историческое беспамятство современников должностные лица даже самого высокого уровня. Итак, знакомьтесь.

ВОПРОС. Почему вы считаете 2013-й годом гигантского юбилея?

ОТВЕТ. Да, именно так. Потому что исполнилось 70 лет с преимущественного освобождения Красной Армией областей и краев России от огненно-кровавой немецко-фашистской оккупации. Например, 25 сентября 1943 года из коричневого ада вызволили западную Смоленскую область, где я родился (Всходский, ныне Угранский район), сам пережил двухгодичный завозной кошмар, а потом послевоенное лихолетье, окончил школу-семилетку. Так вот только в одном моем отцовском краю гитлеровские каратели истребили около 550 тысяч мирных граждан, спалили дотла более пяти тысяч

Тяжелейшим в его судьбе стал день 12 июля 2009 года – скорострительно скончалась боготворимая им жена Надежда Павловна, которую он иначе как Надюшка, никогда не называл и не называет. Сетования на действительность, частое повторение фразы «Была бы жива Надюшка – все было бы по-другому» подвинули меня на звонок в Питер его дочери Наталье, стоматологу, кандидату медицинских наук, жене и матери подростка-сына и крошечной еще дочурки. Высказал ей предположение, что у отца, мне кажется, тяжелая депрессия, а какая это нещадная болезнь, сказал в телефонном разговоре тогда, – не мне объяснять ей, высокого уровня врачу. Зная, как Наталья Петровна горячо любит своего «дорогого папочку», что подарила ему иномарку, на которой ездим из Вязьмы в Фоминское, попросил ее купить видеокамеру, навестить отца и снять о нем любительский фильм, который мы попытаемся представить в интернете. Прямое общение «Россия – П.А. Бычков», думал я, ослабит его горе, вызовет прилив внутренних сил от осознания общественно-государственной важности того, чему посвящает жизнь. Молодая поросль не подвела, исполнила просьбу, но до ужаса переживала за то, что у нее «съемка получается очень низкого качества». А когда мы вечером посмотрели работу самодеятельного оператора на экране телевизора в Фоминском, я ободрил Наталью, заявив: «Прекрасно!» Слава Богу, как хотели, так и случилось: у Петра Афанасьевича острота горя прошла, а граждане России благодарят нас за видео на сайте «Общества потомков участников-героев войны 1812 года» и в Ютубе. Ролик имеет соответственно названия «Поле заживо сожженных» и «Смоленские деревни, сожженные фашистами».

сел и деревень, из них около 300 вместе с мирными жителями. Это опубликованные в недавние годы «Смоленской энциклопедией» и журналом «Смоленск» данные, никем не опровергнутые.

Кстати замечу, что Великобритания, где гражданского населения погибло 60 тысяч, то есть в девять раз меньше, чем только в одной Смоленщине, отмечает День памяти жертв геноцида Второй Мировой войны. В России же подобная дата отсутствует, хотя советских жертв геноцида Великой Отечественной войны было 16 миллионов, что на пять миллионов больше, чем полегло за Родину красноармейцев. (Сегодня, когда я пишу этот очерк, цифры существенно изменились, но о том я скажу позже).

О небывалой гекатомбе наших мирных граждан промолчали даже в юбилейном 2013 году большинство органов науки и культуры, средств массовой информации, общественных организаций, известнейших в обществе людей, не прозвучала она в официальных речах и постановлениях.

ВОПРОС. В Великобритании, союзнице СССР по антигитлеровской коалиции, не было и не могло быть ни одного случая сожжения заживо невооруженных англичан, ибо кованый сапог вермахта не ступал на их землю. А что вы можете рассказать о живых факелах граждан России, подобных живым факелам Нерона, которыми стали первые христиане?

ОТВЕТ. О таком злодеянии римского императора-гомосексуалиста наши современники, пожалуй, знают больше, чем о похожих, совершенных коричневыми садистами семь десятилетий назад у нас на родине. Так, например, широко известна картина художника XIX века Г.И. Семирадского на эту тему истории Древнего Рима. А хроника системного разблокирования российских Хатыней (сразу подчеркну, лишь общественного, в форме частных инициатив) фактически началась шесть лет назад. Основные составляющие этого очевидно святого дела следующие.

Накануне Дня Победы 9 мая 2007 года – я и Евгений Фёдорович Иванов, почетный радист России, уроженец ныне не существующего Семлёвского района, встретились с бывшим в пятилетнем возрасте смертником при массовом сожжении в деревне Борьба (Новая) 340 мирных жителей Петром Афанасьевичем Бычковым и его женой Надеждой Павловной на вокзале в городе Вязьме. Нам, прибывшим из Москвы электричкой, представила чету Бычковых начальник департамента образования Вяземского района Валентина Николаевна Пронькина, которую тоже видели тогда впервые.

В.Н. Пронькину же попросила это сделать моя прекрасная знакомая, курировавшая культуру Угранского района Л.В. Шуненкова, отыскивая П.А. Бычкова. Названные здесь земляки стали сердцем нового неформального движения за рассекречивание трагедии заживо сожженных мирных жителей в Борьбе, а потом и других подобных ужасов. К моменту вяземской встречи имя уникальной личности П.А. Бычкова ни единожды не упоминалось даже на районном или областном уровне, как и сам факт Угранской (бывшей Семлёвской) Хатыни. Сегодня, надеюсь, о них знает вся Россия. Естественно, та Россия, которая хочет знать отечественную, сплывающую ее, историю. Знает хотя бы по представленному нами в интернете.

Начало 2008-го – я, являясь заместителем главного редактора будущего журнала «Русская история», председателя Московского отделения Русского исторического общества Виктора Владимировича Грицкова, вместе с ним и редакцией готовил пилотный номер, налаживал контакты с общественностью, формировал редакционный портфель и Совет. Параллельно все более погружался в исследование запредельной огненной трагедии сегодняшнего моего района на Смоленщине, проблему сохранения памяти о ней. Естественно, соприкасаясь с такими же на территориях, где, как сказано в сталинском приказе №227 «Ни шагу назад!», к

28 июля 1942 года «мы потеряли более 70 миллионов населения».

В конце концов передо мной встала дилемма: или остаться при престижной и оплачиваемой должности, или в порядке общественной работы полностью отдать себя рассекречиванию Атлантиды национальных святынь Великой Отечественной войны. Я написал заявление с просьбой об освобождении от обязанностей в журнале, пришел к В.В. Грицкову и пояснил ему: «Извините и поймите меня правильно. Я с великой любовью отношусь к русской истории и к тому, как собираемся пропагандировать ее в первую очередь среди молодежи, абсолютно устраивают меня все сотрудники, как и прочее. Но, к сожалению, ныне в стране нет ни одного писателя или журналиста, кроме меня, кто стремился бы и мог, по мере своих сил, в доступных вариантах, обозначить грандиознейший огненный геноцид в отношении моего поколения детей войны, а также наших матерей и бабушек с дедушками. Время же ураганно сметает непосредственных свидетелей. Так, из семи спасшихся в Борьбе 13.03.1943 сегодня здравствует один человек, шесть седьмых живого знания навсегда утрачено. А к вам, Виктор Владимирович, надеюсь, боевым замом придет человек не менее меня профессиональный». На том и поладили. Время подтвердило, что наша беседа была конструктивной. К настоящему моменту вышло 26 номеров отличного журнала «Русская история» и, смею надеяться, в значительной степени обрушен информационный геноцид замалчивания тысяч российских Хатыней.

Сентябрь 2009 года – В.Т. Фомичёв, Е.Ф. Иванов, А.Н. Матвеев встретились в Мосальске (Калужская область) с 82-летней Марией Павловной Беляковой, поведавшей гостям из Москвы о массовом сожжении в январе 1942 года на ее глазах многих десятков мирных жителей (около 500) в ее родной Юсовке. До встречи страдалицы с гостями из столицы грандиозный факт мирового значения вовсе не был известен в местном крае-

ведческом музее. О нем ни разу не писала районная «Мосальская газета», не говоря уж о более высоких уровнях музеев и периодических изданий. По нашей просьбе местный краевед Геннадий Афанасьев немедленно подготовил, восстанавливая справедливость, материал «Вспоминает Мария Павловна Белякова» о происшедшем в Юсовке трагизме. Его напечатала в №3-4 за 2010 год «районка», а я поместил на стр. 191–193 во втором издании своей книги «Поле заживо сожженных» вместе со снимком героини на странице 309.

2009–2010 годы – подписавшие 18.11.2008 Обращение к Д.А. Медведеву напоминали о документе этому тогда первому должностному лицу, но, к сожалению, адресовались весь его президентский срок в никуда. Мы не получили ответы даже на самые простые вопросы. К примеру, где в России были массовые сожжения живьем беззащитных детей, стариков и женщин, сколько в РСФСР невооруженных граждан превратили пришлые чудовища в пепел? Разве это не экстремальная ситуация, то есть крайняя? Но никто не называет Д. Медведева экстремистом.

Оба выпуска посвященной П.А. Бычкову своей книги «Поле заживо сожженных» я направил первым лицам государства, всем губернаторам 18 оккупированных в 1941–1944 годах областей и краев РСФСР. Ее все пользователи интернета, кого интересует история родного народа и страны, читают на моей странице в «Хроносе».

19 января 2011-го – отослал письмо Д.А. Медведеву Валентин Сорокин: о замалчивании кричащей проблемы книги «Поле заживо сожженных». Лауреат премий Ленинского Комсомола и Государственной им. А.М. Горького удивлялся: «Мы думали, что Госдума заслушает автора книги – трагического документа, а СМИ широко оповестят Россию. Но – молчание. Как молчали 65 лет. Больно и стыдно».

25 апреля 2012 года – РОО «Бородино-2012» приняла Меморандум «Не дадим замолчать тему Российских Хатыней!» Проя-

вил полное понимание проблемы и подготовил материал Меморандума ответственного секретаря РОО «Бородино – 2012», председатель «Общества потомков участников-героев Отечественной войны 1812 года», академик ПАНИ А.С. Шуринов. Это произошло после личных встреч и заслушивания на расширенном заседании организации моего доклада о сожженных русских деревнях вместе с жителями в годы ВОВ и выступления П.А. Бычкова как свидетеля «варварского преступления фашистских оккупантов, который лично подтвердил, что является очевидцем сожжения заживо 340 мирных жителей на Смоленщине 13 марта 1943 года». Подлинный дух тревоги за состояние общественного здоровья пронизывает обнародованный на официальном сайте «Бородино – 2012» и в периодике текст, начинающийся истинно набатными словами «Всем народам! Всем органам власти! Всем партиям!»:

«Уже многие годы этими энтузиастами поднимается тема сожженных русских деревень и массовых преданий огню гитлеровцами невинных жителей. Между тем, как ни странно, массовое истребление в палаческих кострах немецкими фашистами населения захваченных во время войны деревень не воспринимается сегодня величайшей трагедией в жизни нашего народа. Почему? Что это? Организованное забвение или просто наплевательское отношение к отечественной истории, судьбе собственных граждан? Непонятно, почему нигде, например, в Угранском краеведческом музее, нет ни одного экспоната о происшедшем, равно как и в Смоленском музее Великой Отечественной войны».

8 февраля 2013-го – вечер памяти жертв мирного населения во время Великой Отечественной войны в Центральном Доме литераторов. Вести встречу довелось мне с В.В. Сорокиным. В гости к писателям прибыли и приняли активное участие в разговоре летчик-космонавт СССР, депутат Государственной Думы РФ Светлана Евгеньевна Савицкая, мэр г. Вязьмы, поэт, композитор

и журналист Александр Константинович Клименков, который в 1983 году Митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом был рукоположен в сан диакона, другие известные личности.

Присутствующие с удовлетворением узнали о поддержке руководителями Вяземского региона поискового движения учащихся Тумановской средней школы им. Героя Советского Союза К.И. Молоненкова. «А приехавшие учащиеся-поисковики, – написала затем в газете «Московский литератор» поэтесса Нина Попова, – показали прекрасную музыкально-поэтическую композицию о своей работе красных следопытов и тесном сотрудничестве с Семеном Яковлевичем Самуйловым. Это о его судьбе, свидетеля огненной трагедии в Трубине-Чертовке, говорится в статье И. Ковальчука «Мальчишка из сожженной деревни» (газета «На западе Москвы»), иллюстрированной довоенной и современной фотографиями из семейного архива Самуйлова. Пронизывающая душу статья эта словно уносит читателей в тот «пылающий овин». К сказанному моей коллегой по творческому цеху необходимо добавить, что тогда, 8 марта 1943 года, на глазах двенадцатилетнего Сени Самуйлова были сожжены 458 мирных жителей его селения и нескольких окрестных. Хочется заметить еще, что прекрасный отчет об этом нашем вечере в ЦДЛ сделала 12 февраля с. г. в газете «Советская Россия» Галина Платова. Назвав П.А. Бычкова и некоторых других активистов общества «Поле заживо сожженных», она отметила в решении ими этой в конечном счете стратегической проблемы мобилизационный режим, которого не увидела со стороны власти.

Здесь следует также упомянуть о том, что газета Западного административного округа столицы с публикацией о С.Я. Самуйлове могла у меня не оказаться. Ее передал знакомый ученый-психолог, который там живет. Зная о моем жгучем интересе к теме массовых убийств беспомощных соотечественников расистскими кострами-палачами.

до позорича стране. Только при достижении такой цели придуманный провокаторами из категории «гогочущих пророков» (В. Розанов) преступный миф о «русском фашизме страшнее немецкого» рухнет мгновенно и на веки вечные. Пора прекратить массовую дезинформацию населения, перестать говорить ему 100-процентную неправду о кровопролитной и победоносной войне наших отцов-красноармейцев. Оправдывая тем самым концепцию «сверхчеловека» и проводившуюся нацистскими преступниками политику уничтожения (геноцид). А вместе с тем в форме умолчания вести поругание национальных святынь Великой войны. В то же время гнусно оскорблять светлую память о казненных пламенем ни в чем не повинных детях, женщинах, стариках, других жертвах гражданского населения в результате бушевавшего карательного мракобесия «цивилизованных», их лженаучного арийского «превосходства».

Уточнение о конвейере огненной смерти

Эпиграфом ко второй части своей книги «Поле заживо сожженных», при переиздании, я взял цитату с фактами о невероятнейшем огненном шторме смерти в нашей с П.А. Бычковым области из статьи двух авторов уже упоминавшегося журнала «Смоленск» (№9 (109), сентябрь 2009 г., стр. 13–15) – Фёдора Русакова и Алексея Кузовова: о пяти тысячах спаленных дотла населенных пунктах, 300 вместе с живыми людьми. Но иногда эта кричащая реальность людоедской оккупации родного края воспринималась с недоверием, и что трудно постижимо, – порою теми, кто должен по роду своего положения в обществе знать ее, что называется, назубок. И вот год назад я получил мощное писательское подтверждение абсолютной точности использования архивных документов о страшном офицерами военного времени Ф. Русаковым и А. Кузововым, а чуть позже – доказательство в статье научного светила. В сказанном может убедить ци-

тата из воспоминания литературной знаменитости, тоже случайно найденного в домашнем архиве Е.Ф. Ивановым, и мое письмо к официальному лицу, которые привожу далее:

О Твардовском. К 80-летию со дня рождения

Не знаю – как говорить о земле смоленской, сколько уже о ней говорено, но и замолчать нельзя: триста деревень вместе с жителями было сожжено фашистской армией в этой области, тысяча двести групповых захоронений на земле этой...

Сергей ЗАЛЫГИН

Журнал «Новый мир», 1990г., №6

Газета «Труд», 1990 г., июнь

*****

Директору Вяземского патриотического центра «Долг», депутату Смоленской областной Думы Н. Г. Куликовских

Дорогая Нина Германовна!

Пользуясь оказией, передаю для Вас безукоризненное свидетельство более чем 25-летней давности С.П. Залыгина, возглавлявшего после А.Т. Твардовского журнал «Новый мир», о 300 смоленских Хатынях. Этот факт подтверждает и введение к книге «Сожженные заживо зывают к нам», которое тоже представляю, написанное выдающимся авторитетом в исследовании новейшей истории родной страны Ш.М. Мунчаевым, д.и.н., заслуженным деятелем науки РФ, руководителем научной школы «Отечественная история» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Зачем я такое делаю?

На фоне объективной истины вспомнился демарш д.и.н. Д.Е. Комарова в центре «Долг» (декабрь 2012) при Вашем и моем

с коллегами присутствии, когда представляли книгу «Река времени», – против авторов Ф. Русакова и А. Кузовова. Они утверждали то же самое, что и С. Залыгин с Ш. Мунчаевым. Но почему-то наш достаточно молодой земляк-ученый выразил резкое с ними несогласие, обвинив уважаемых людей в «дилетантизме». Извините, что я тогда, как мне показалось, огорчил Вас своим возражением ДЕК. Однако факты названного номера областного журнала, как видите, подтвердились. И, более того, лично для меня теперь наступило удивление иного рода: смоляне на протяжении жизни целого поколения (что соответствует четверти века) демонстрируют полное равнодушие к одному из главнейших известий о времени огненно-кровавой оккупации Гитлера – такому беспрецедентному горю на нашей земле.

Всего Вам самого наилучшего!

Сердечно преданный **Владимир Тимофеевич ФОМИЧЁВ.**

*12 апреля 2016
Москва, Тушино*

Сколько же было подобных ужасов во всех 18 оккупированных Гитлером регионах РСФСР, неизвестно и в 2017-м. Оттого рождаются горькие строки: *«Как сможете, хронисты грозных лет, / Про массовые казни пламенем молчать – / Невинных, в тысячах России мест? / Впрямь НЛО ваш амнезийный водопад!»* («Амнезийный водопад»); *«Потеря обычных людских понятий – / Не слышать кричавшие в пламени хаты»* («Змеиное бездушие»).

После встречи с П.А. Бычковым я постоянно обращаюсь к этой личности в своем творчестве, используя разные жанры: от вступительного слова к его собственному рассказу на печатной странице, посвященных ему или о нем самом стихотворений до крупноформатных произведений – поэмы, очерка. Завершая одно из таких, опубликованное потом с некоторым сокращением в альманахе «Московский Парнас» (№ 3 (90),

2014) я отметил: «Хочу обратиться к буквальному сегодня полученному письму из Туманова от педагога и краеведа Эмили Степановны Гайдуковой. Мы 30 сентября 2013 года побывали на представлении второго издания ее книги в местной средней школе, где она 45 лет назад создала музей и уже много лет руководит поисковым движением учащихся. Кто – мы? «Гости из Москвы из общества «Поле заживо сожженных», как написала 24 октября газета «Вяземский вестник». К нашей писательско-земляческой группе, уже в Вязьме, пятым присоединился П.А. Бычков. И как же тепло восприняли его тумановцы! «Огромное спасибо, – пишет мне Э.С. Гайдукова, – за то, что привезли на презентацию книги «Опаленные войной» своих талантливых друзей-поэтов и москвичей-смолян. За то, что познакомили с удивительным человеком – Петром Афанасьевичем Бычковым, на долю которого выпало много горя, чудом оставшимся в живых. Человеком из пламени, Человеком патриотом-подлинным (это слово подчеркнуто. – В.Ф.). Жизнь свою посвятившим Памяти – увековечению заживо сожженных». В конверт был вложен номер «Вяземского вестника», упомянутого выше, где Пётр Афанасьевич в унисон назван «человеком из огня». Его «рассказ-свидетельство (изумительно точно! – В.Ф.) о зверствах фашистов в концлагере на улице Кронштадтской в г. Вязьме (находился там с семьей в начале 1942 года – В.Ф.), о заживо сожженных в д. Борьба Угранского района людях, среди которых он был сам, всех присутствующих заставил содрогнуться».

Так трепетно воспринимаемое населением горе Борьбы, к сожалению, даже в году 70-летия Угранской Хатыни ни единожды не было упомянуто в официальных речах, постановлениях, СМИ, как и П.А. Бычков – личность удивительной красоты и душевного здоровья. Из плеяды людей, выдающихся по нравственности, героев духа, прямо-таки могучих. Единственный ныне ценнейший исторический свидетель происшедшего в российской «глубинке» 13.03.1943. Ни денег, ни

орденов П.А. Бычков за свой нравственный подвиг не получил. Даже в поминальный, юбилейный, день Родина не зажгла свечи и лампы, не положила к праху великомучеников цветы в Борьбе, не приходили родные и близкие – туда нет дороги. Как не было ее в 1986 году, когда я впервые услышал в Дуденках об огненной трагедии в соседней деревне от тети Маруси. Такой же молчок существует практически и о всех трехстах на Смоленщине подобных ужасах. А ведь область в 2013 году – праздновала юбилей 70-летия освобождения. Не измени ли в том суть – в отказе от возвращения народу-победителю целого материка национальных святынь Великой Отечественной войны, исчезнувшего как Атлантида? На фоне этих фактов содержание современной жизни выглядит в другом свете. Когда, например, все фракции в Думе как будто совершенно довольны друг другом оттого, что молчат о божеском. Как и безмолвствующие о том СМИ, ответственные должностные лица и прочие «заботящиеся о правде» граждане, о которой круглосуточно кричат в уши стране с экранов всех центральных телеканалов.

Мы однозначно доказали, что в идеологическом времени отсутствует понятие «святость», без чего человек не может жить. Почему мы не видим на экране ТВ светлые лики заживо сожженных детей, мам, бабушек и дедушек? Зачем скрывают идею Гитлера о расовом превосходстве арийцев, о магических действиях нацизма и его языческих жертвоприношениях? Почему мирные граждане России тайфунно становились факелами как раз в марте 1943-го, когда Адольф находился в бункере под Смоленском? Месяце убийства пламенем Борьбы, а также множества других деревень? Это отметил летом 1988 года в главной областной газете «Рабочий путь» Орик Иванович Лонский, печатавший в четырех номерах очерк «Тайна бункера Гитлера». Корреспондент, еще будучи фронтовым, начал исследовать тему немецко-фашистского огненного геноцида. Почему память о трижды Хатыни, Трубине-

Чертовке, хранит лишь музей Э.С. Гайдуковой в Турмановской школе? Почему германский заменяют «фашизмом» тех, кто его победил? Почему нет даже подробных списков заживо сожженных мирных граждан, указателя исторических священных мест, где это происходило? Почему нет энциклопедии или хотя бы приличного справочника о кострах-палачах? Зачем вместо архинеобходимых обществу таких книг в «лихие девяностые» в РФ выпустили «Энциклопедию Третьего рейха»?

Приведенные Э. Гайдуковой, а также корреспондентом вяземской газеты высокие оценки личности П.А. Быčkoва и его богоугодной деятельности по установлению нерушимой истины о заживо испепеленных, других безвинно погибших жителях России не расходятся со всегдашними моими.

У подножия Эвереста геноцидов

В осенних месяцах года «юбилей-невидимки» сначала со мной, попросив привести все лично написанное по теме об огненном геноциде, а потом с Петром Афанасьевичем (в присутствии меня и Е.Ф. Иванова) основательно поговорил в редакции «Правды» Виктор Стефанович Кожемяко. Ныне он ее политический обозреватель, а трудится там, считай, всю жизнь. Опытнейший публицист общался примерно в течение трех часов с каждым, записывая беседы на диктофонную ленту. Выпотрошил своих гостей полностью в части знания обстоятельств марта 1943 года, да и вообще всего оккупационного периода. Затем он пришел 22 ноября в Союз писателей России, где общество «Поле заживо сожженных» проводило Народный сход по проблеме сохранения священной памяти о казненных огнем в 1941–1944 годах мирных гражданах и других жертвах не боев, целый день активно участвовал в форуме. В результате такой тщательной подготовительной деятельности он в №7 от 24–27 января 2014 года напечатал просто бесценную статью-полосу «Сожженные заживо зывают к нам» под рубрикой «Увековечение их памяти»

не терпит отлагательства». Она несколько раз была обнаружена в других периодических изданиях, вызвала бурный поток откликов, которые идут в редакцию до сего дня. «Правда» стала их представлять читателям большими подборками, в основном, целыми полосами, иллюстрируя снимками военного и, реже, нашего времени.

Статья дала название книге, вышедшей двумя изданиями в минувшем году и представленной на новом Народном сходе в СП России 12 марта 2016 года. Именно к ней и написал упомянутое мной в письме к Н.Г. Куликовских введение «Увековечить истребленных небывалым геноцидом» прославленный ученый Ш.М. Мунчаев. Это сборник всех публикаций в газете за 2014–2015 годы. Свидетельств и размышлений «об официально замолчанных тысячах гитлеровских кострах-палачах» в РСФСР, о «беспримерном в мире геноциде в отношении населения исторической России» в годы Великой Отечественной войны. Как В.С. Кожемяко в зачине, так и десятки других авторов со всей страны, общается аннотация к новинке, говорят «о не терпящей отлагательства проблеме создания достойного памятника жертвам оккупации». Однако, «видя, что все инициативы в данном направлении уходят в бюрократическую мглу, невозможно не скорбеть. Невольно возникает мысль: не обеспечивает ли такое отношение должностных лиц к национальным святыням – самым высшим ценностям – гарантированное уничтожение народа?»

Личность героя моего произведения и общие вопросы, очевидно, не отделимы друг от друга, когда мы говорим о замалчиваемых десятилетиями бессмысленных изуверствах немецко-фашистских захватчиков на нашей земле. Ведь семлёвец-угранец единственный живущий вместе с нами исключительный свидетель преступного деяния в Борьбе. Из разряда настолько черных дел, что в документах Нюрнбергского Международного военного трибунала о них сказано: «более жестоких, чем в Лидице». Черчилль же назвал эти небывалые где-либо ранее злодейства

«позором несказанных преступлений Гитлера в России». Таким образом, в деревушке моего друга с десятилетним стажем случилась величайшая трагедия планеты. Только П.А. Бычков, ослепительно яркий, как цвета Индии, в верности ужасно погибшим вдохновил на защиту небесной памяти о них всех, кто стал вместе с ним вершить это праведное дело. Сам же он, я думаю, мог увидеть его в полном объеме только с высоты своего чистого сердца. И что еще дорого – в отличие от найденных нами других очевидцев похожих несчастий, активно вносит свой вклад во встречи с разными группами населения, рассказывая о злодеяниях фашистов в годы ВОВ. Пётр Афанасьевич участвует в традиционном автопробеге по деревням Смоленской области, сожженным гитлеровцами в период оккупации. 20 июня 2016 года с трибуны «круглого стола» Госдумы он обратился к Президенту страны с просьбой о создании в Российской Федерации мемориального памятника небывалым жертвам фашистского террора на древней земле русского и братских ему народов. Поплатившимся жизнью в период неслыханного геноцида войны с монстрами «сверхчеловеческой судьбы».

Не случайно лучший, на мой взгляд, публицист последних десятилетий В.С. Кожемяко свою статью-полосу о Народном сходе их памяти, длившемся целый день в Союзе писателей России 22 ноября 2013 года, где с «настоящим криком души о наболевшем» перед собравшимися горячо и доказательно выступали многие, начинает такими словами: «Как это было? Замер зал, когда на трибуну поднялся седовласый сухощавый человек с бородкой, которому, как говорится, по всем статьям не должно бы сегодня быть в живых. Ибо пятилетним мальчонкой он, Пётр Бычков, вместе с односельчанами уже объят был смертным пламенем, уже опалило ему голову, лицо, грудь, и отчаянная безысходность дохнула в душу: конец!» Так определила самое впечатляющее событие и главного героя того дня публикация правдиста, один к одному воспроизведенная затем в книге

вместе с десятками других. Показательно и то, что ее иллюстративный ряд составили пять фотографий времени дьявольской оккупации и лишь одна современная с такой подписью: «Владимир Фомичёв (слева) и Пётр Бычков с одной из односельчанок на месте сожженной с жителями деревни Новая-Борьба».

В силу возраста и других обстоятельств ни М.П. Беляковой, ни С.Я. Самуйлову не довелось лично присутствовать ни в одном «битком набитом зале» (А. Речмедин о представлении книги «Поле заживо сожженных» в Центральном Доме литераторов), где наша общественная организация проводила свои мероприятия. Мы лишь смогли установить с ними содержательные контакты, неформально поговорить, получить от них важнейшие живые свидетельства и документы. А сегодня и Мария Павловна, и Семен Яковлевич, очевидцы российских трижды Хатыней, уже не с нами, ушли в мир иной. Теперь из уникальных свидетелей огненных трагедий за предельного уровня остался, мне представляется, один П.А. Бычков. Во всем мире! К глубочайшему прискорбию, скончались и другие выдающиеся в нашем, по зову сердца, деле личности, представленные в этом очерке: Л.В. Шуненкова, В.Н. Пронькина, Л.И. Касаткина, Е.С. Троицкий. Разные публикации хранят светлые имена иных отошедших в вечность коллег по разблокированию массовых сожжений заживо гражданского населения РСФСР, всех неисчислимых злодеяний человеконенавистников, возомнивших себя «высшей расой». Вечная память упокоившимся нашим сердечным друзьям, внесшим, начиная с 2007 года, бесценный вклад в изменение до того абсолютно искаженного представления о людоедской оккупации территорий Родины!

Значение же П.А. Бычкова в начатом после встречи с ним таком процессе, в ряду открывшихся невероятных обстоятельств и фактов, неумолимого движения самой жизни вообще невозможно переоценить. Он, лучше всех информированный о трагедии казенных пламенем в Борьбе, сохраняющий национальную память о ней и кристаль-

но правдивый, безусловно заслуживает, я бы сказал, тотального внимания. В похожем смысле также высказался педагог с длительным стажем

А.В. Иванцов из г. Тамбова в правдинской публикации, ставшей страницами 69–74, составленной В.С. Кожемяко и мной из газетных материалов книги. Автор знает моего героя со школьных лет: с 1951 по 1954 годы учился с ним вместе в Клетковской семилетней школе. Знал всю трудолюбивую, достойно живущую, мужественную и скромную крестьянскую семью Бычковых, вместе хлебобрили в колхозе. У брата Петра, тракториста Михаила, работал прицепщиком. С другим братом Сергеем на его грузовом автомобиле, с благодарностью отмечает А.В. Иванцов, «была единственная возможность добраться до райцентра и обратно». И мама их, Клавдия Васильевна, и сыновья стойко хранили в себе, «какой ужас пришлось им пережить во время фашистской оккупации: ведь буквально из пасти смерти вырвались они!» Алексей Васильевич, подчеркивая это, вспоминает: «Ни от кого из них я не слышал» о том. Хотя, продолжает уроженец находившейся в семи километрах деревни Раслово, «о событиях того страшного мартовского дня 1943 года мы с детства знали по рассказам родителей, учителей, других сельчан старшего возраста».

После привлечения иного значительного материала по теме грамотный выходец из этой местности в заключение возвращается именно к личности П.А. Бычкова. Высказывает пожелание: дали бы «ему слово на центральных каналах телевидения, чтобы рассказал на всю страну и весь мир о лично им пережитом ужасе фашистского геноцида». И добавляет, как важно изучать реальную историю «сороковых роковых» лет, особенно молодым. А конкретные предложения А.В. Иванцова ставят в центр движения за увековечение памяти российских Хатыней трагедию в Борьбе, фигуру бывшего в дошкольном возрасте потенциальным смертником ее свидетеля изнутри и саму местность, где дышит не фальшивомонетная история:

«1. ...всемерно добиваться от властей предержащих признания на государственном уровне 13 марта Днем памяти жертв безвинно сожженных фашистскими захватчиками мирных граждан страны.

2. Учредить Фонд Петра Афанасьевича Бычкова, главной задачей которого стала бы аккумуляция негосударственных средств на обустройство мест захоронения и увековечения памяти заживо сожженных гитлеровцами советских людей. Фонд нужен общероссийский.

3. Добиться от центральных и местных властей проектирования и строительства всероссийского музея-комплекса близ поселка Угра».

В отличие от П.А. Бычкова у меня территориальная зона действий больше, чем у него. В силу выхода в разные уголки планеты собственными произведениями. Но так как они в течение последних десяти лет обязательно связаны с ним, то теперь «путешествуем» по свету вместе. И таким образом Пётр Афанасьевич из наших Восточно-Угранско-Вяземских мест достиг за Урал, в Азию, потом и в Америку. Как именно?

Любовь Миляева – поэт, прозаик, публицист – 3 апреля 2014 года в еженедельной общественно-политической газете Ханты-Мансийского автономного округа «Новости Югры» опубликовала запись беседы со мной «Воскрешенная память» в группе материалов «К 70-летию Победы». Зауральских читателей, как оказалось, из последних моих книг больше всего заинтересовала посвященная бывшему в младенческом возрасте смертнику нынешнему жителю района, где родился автор. Я охотно удовлетворил их любопытство на странице периодического издания, где в первой половине 1970-х регулярно печатался, будучи в Советском районе округа сотрудником местной редакции. Поведал о необыкновенной судьбе П.А. Бычкова и совместных с ним трудах на всероссийском «Поле заживо сожженных». А важность представленной темы, видно, дала ей дальнейшее движение... в США. В 2015 году Л. Миляева выпускает в издательстве «Лулу» (Северная Каролина, г. Роли) книгу «Крест

Служения Отечеству. Биографический очерк о Владимире Тимофеевиче Фомичёве». Пятую в серии очерков о писателях Югры «Из поколения детей войны». Естественно, «Воскрешенная память» стала частью этого издания, шагнув через океан на новый континент.

Теперь о людских потерях в ВОв, к которым, когда упоминал о них, я обещал вернуться. Предварительно назову количество погибших на борьбе с вермахтом граждан США и Великобритании, союзниках СССР по антигитлеровской коалиции: 300 тысяч и 370 тысяч. А вот что об общих людских потерях Советского Союза и об умерших не своей смертью в годы Праведной Битвы согражданах моих и твоих, дорогой читатель, сказал 20 июня 2016 года на «Круглом столе» в Госдуме Ш.М. Мунчаев: «Это была война, рассчитанная на физическое истребление населения нашей страны. Задача фашистов, которые оккупантами ворвались на Советскую землю, не сводилась только к уничтожению евреев и цыган. Неполноценной расой считались также славянские и другие народы многонационального Советского Союза. Среди более 27 миллионов погибших соотечественников – военнослужащих 8,5 миллионов Гораздо большая часть той скорбной численности, превышающая 19 миллионов, – гражданское население. В мире за все прошедшие века такой чудовищной трагедии нигде не бывало!».

Фактически то же самое поведал свету другой доктор исторических наук, министр культуры РФ В.Р. Медвинский в книге «Война». Его процитировал один из авторов сборника «Сожженные заживо зывают к нам» на странице 155: «Уничтожено почти 19 миллионов мирных жителей, по 13 тысяч, в основном детей, женщин и стариков, ежедневно в каждый из 1418 дней войны».

В нашей книге на уровне большой науки названа еще одна основная цифра, относящаяся к годам оккупации садистами Третьего Рейха значительной части Отчизны. Это 75 миллионов граждан СССР, полоненных на длительное время расистской чумой, затем повешенной в 1946 году в Нюрнберге.

Такие впервые открывшиеся сенсационные исторические факты не могли не шокировать. Я, историк по одному из базовых образований, фактически только на 80-м году жизни узнал о главной трагедии Великой Отечественной войны. Что уж говорить о других. Никакой официальной информации в течение всего послевоенного времени о наиважнейшем в отражении людоедской агрессии! Ничего о самом грандиозном геноциде, сравнимом с Джомолунгмой (Эверестом), самой высокой горой в мире. Ничего об основополагающей национальной святыне Народной войны 1941–1945 годов. Ничего об Оккупационном, 75-миллионном, немецко-фашистском концлагере смерти на территории Советского Союза. Где в течение долгих-долгих месяцев убивала «узников» общеизвестная германская педантичность и не менее популярная точность. В соответствии с разработанными еще до вторжения в «Восточную державу» планами поголовного истребления «монголоидных ублюдков». Именно так характеризовала нас брошюра-бестселлер «Der Untermensch» («Недочеловек»), имевшаяся у каждого вояки в форме со свастикой, губивших с невероятной жестокостью безоружных мирных жителей. В соответствии с правом «более способного народа» (нацистский министр Р. Дарре, 1936), а также целями и задачами «войны на уничтожение» (А. Гитлер, 30 марта 1941) – ликвидировать население нашей Отчизны, как вредных насекомых! В том числе в тысячах мест кострами-палачами!

Замалчивание всего этого сопредседатель нашей общественной организации, выдающийся поэт Валентин Васильевич Сорокин 12.03.2016 года при представлении книги «Сожженные заживо зывают к нам» в СП России назвал, по-моему, очень точно, «преступлением, равным самому фашизму». А я стопроцентно уверен, если бы человечество услышало священные трубы 19-миллионного, огненно-кровавого, геноцида ВОВ, то последыши эсэсовцев ни в коем случае не посмели бы уничтожать потомков красноармейцев на Украине.

И хочу подчеркнуть: фантазматория вместо подлинной истории о праведном бое «ради жизни на земле» получена без воли русского народа, так как он единственный в отчет краю не имеет национальной государственности, ни одной структуры и полномочий на решение каких-либо проблем. Не имеет субъектности, не упомянут ни в одном государственном документе! Если бы такое положение основного народа, главной составляющей Великой Победы, было в годы Великой Отечественной войны, то, весьма вероятно, ныне вовсе не существовало бы нашей страны и всех живущих в ней.

С новинкой «Сожженные заживо зывают к нам» как экскурсией по преисподней Гитлера и трепетным обсуждением сборника, в том числе с выступлением В. В. Сорокина, можно познакомиться в интернете – нажмите CTRL и щелкните ссылки: http://дорогамипобеды.рф/?page_id=6; <http://дорогамипобеды.рф/?p=784>

Кстати, составите себе понятие об отношении первых руководителей страны сегодня к проблеме-тревоге. По озвученному и единодушно принятому к ним Обращению, остающемуся без ответа. А в книге, на страницах 138–151, прочтете о взгляде «после многих выступлений «Правды» и обращений к главе государства»: «как можно губить божеское дело в иезуитской канцеляршине».

Найденное наконец достоверное научное знание о коричневом аде 1941–1944 годов, потрясающее душу, думаю, в немалой степени также герой этого очерка. Оно изначально – при прочих составляющих, еще экстраординарное детство и образ жизни во имя Бога единственного в своем роде свидетеля обвинения в Нюрнберге XXI столетия Петра Афанасьевича Бычкова:

Малыш пятилетний, судьбой сбереженный, –
Чтоб миром был проклят бесовский набег,
Не канули в Лету кострами казенные...
Он – память святая планеты навек.

*Январь 2014 – 9 мая 2017 года
Смоленская область – г. Москва*